

ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ ЦЕННОСТЕЙ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ

¹Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Наука не бывает и не может быть «национальной», «классовой» или «гендерной», – не в этом заключается идея её человекомерности, не в этом состоит особенность её развития в постнеклассическую эпоху, – иначе бы она действительно перестала быть наукой. Благодаря признанию статуса человеческой личности как субъекта полагания ценностей современная наука не умалывается, но обогащается, делая возможным и диалог, и сотворчество человека с природой.

Ключевые слова: наука, постнеклассическая наука, человек, субъект, ценность

Keywords: science, postnonclassical science, man, the subject, the value of

Концепция постнеклассической науки, предложенная В. С. Стёпиным в 1989 году, основана на признании человекомерных систем в качестве специфических объектов исследования современной науки и связанной с этим обстоятельством необходимости включения человеческих факторов в частности и ценностей в целом в состав объясняющих положений науки [3]. Несмотря на то, что такое словосочетание как «челомерность науки» вот уже несколько десятилетий употребляется в качестве обозначения характерной черты современного этапа развития научного познания, чёткого определения это понятие пока что не получило. Нельзя не согласиться с В. Э. Войцеховичем, не так давно заметившим: «Многие учёные и философы, поддерживающие идею постнеклассики, в целом согласны с автором концепции В. С. Стёпиным, но постулат о человекомерности пока остаётся метафорой, а не принципом, реализованным в новых теориях» [1, с.101].

Целью данной работы является определение «человеческой меры» современной науки в плане права и способности человека выступать субъектом ценностей, как внутринаучных, так и общекультурных, однако влияющих в том числе и на процесс познания. На мой взгляд, понятие «челомерности» научного познания как раз и отражает неустранимую субъектность этого последнего, не тождественную, впрочем, субъективности как характеристике, противостоящей научному идеалу объективной истины. Напротив, учёт свидетельства и самосвидетельства субъекта познания с большей степенью обоснованности и осторожности позволяет устанавливать меру истинности высказываний о научных фактах. Иначе говоря, признание истины в качестве наивысшей ценности предполагает и личность признающего, предполагает субъекта ценностного суждения – не только выносящего и формулирующего это суждение, но и осваивающего, и берущего на себя личностную ответственность за практическую реализацию провозглашаемой им ценности. Подобно тому, как в неклассической науке результат познания определялся средствами его достижения, приборной ситуацией и выбранной точкой отсчёта, точно также в науке современной обнаруживается такая степень зависимости знания от познающего, что возникает необходимость отдельно уточнять позицию и многие характерные особенности этого последнего, отвечая на вопрос «Кто?». Например, как указывает И. С. Добронравова, принимая во внимание некоторое свидетельство о проблемной

ситуации в обществе, следует учитывать и поправку на личность свидетеля: скажем, армянин и азербайджанец, очевидно, совсем по-разному будут воспринимать и описывать сложную и противоречивую историю конфликта в Нагорном Карабахе [2, с.305]. Стоит ли упоминать здесь украинские события 2013–2014 годов, вызывающие у разных людей полностью противоположные оценки и свидетельства!

Кстати говоря, выдвижение такой идеи в русле постнеклассического подхода совершенно неслучайно оказывается созвучной традициям русской философии: как замечал ещё А. С. Хомяков, вопрос об истине есть именно вопрос «Кто?», а не «что?». Впрочем, от отождествления субъекта истины с личностью Богочеловека современная наука всё же отличается. И не тем, что релятивизация якобы достигает в современном познании чуть ли не уровня субъективного идеализма, на котором общечеловеческая наука по причине учёта «личных качеств познающего» постепенно заменяется неким невразумительным сосуществованием парадигмально изолированных друг от друга «науки Иванова», «науки Петрова» и «науки Сидорова». Нет, – скорее, основная черта современности заключается в переносе права выступать субъектом полагания ценностей на некоторое сообщество (можно даже сказать, в отчуждении этого права в пользу последнего), – в противовес как личностному началу, так и обезличенному «всеобще-человеческому», которое с развитием этого же самого человечества за последнее столетие стало восприниматься как апофеоз пресловутого «абстрактного гуманизма». В результате, начиная со середины XX века, наблюдалось и наблюдается немало попыток обоснования (и даже конструирования) особой, *частной* науки – науки национальной, науки классовой, науки гендерной... Несмотря на всевозможные положительные следствия, проистекающие от такого рода пролиферации человеческих идентичностей, это явление, получившее в западной социологии даже наименование «партийности» науки [6], остаётся идеей весьма сомнительной. И прежде всего, в силу явного предпочтения, отдаваемого партикулярным, групповым интересам – перед объективной истиной, по определению единой и всеобщей. Как раз упомянутый А. С. Хомяков строил свою концепцию на положении о нецелесообразности предпочтения как единства перед свободой и многообразием, так и наоборот.

Подчинение науки как индустрии поиска истины интересам той или иной социальной группы практически уничтожает научное познание – но не потому, что сознательный «выбор позиции» привносит в процесс научного познания чуждое ему ценностно-смысловое содержание, а потому, что привносимые таким образом ценности оказываются более низкими в иерархическом смысле, нежели собственно поиск истины. «Фатальный недостаток такого радикального релятивизма, – справедливо отмечает Н. Решер, – заключается в его неспособности различить с подобающей ясностью то, что относится к традиции и социальному признанию, с одной стороны, и то, что касается принципа и нравственного долженствования, с другой» [5, p.145]. Проблема не в учёте роли ценностей в научном познании, а в способности или неспособности отделять ценности партикулярные от ценностей универсалистских, – то есть, отграничивать главные ценности от второстепенных, цели от средств и идеологию от идеалов. Наука остаётся наукой в той мере, в какой идеал объективной истины выступает высшей ценностью для учёного любой социальной группировки.

При этом нет никакого рационального основания утверждать, что единственной альтернативой классическому монизму (и его однообразной системе ценностей, его единой истине,

кажущейся подчас «авторитарной» и даже «тоталитарной») может выступать лишь неклассическое многообразие, не только отрицающее существование какого бы то ни было актуального единства, но и налагающее негласный запрет на любые вопрошания о таком единстве. Коллективный солипсизм – или, по известному выражению В. Хёсле, «фихтеанство интерсубъективности», – оказывается не слишком уж уместной и соразмерной заменой классической объективности в качестве регулятивной идеи процесса познания человеком окружающего его природного мира.

Образное определение постнеклассического подхода как ориентации на усмотрение «единства в многообразии» – нередкое явление в современной философской мысли. Стоит отметить перспективность осмысления ситуации постнеклассики при помощи диалектического метода, оправданность использования которого только подчёркивается наличием «двойного отрицания» в самом этом понятии. Подобное отрицание не означает механического возврата к некоему подобию классического видения, но скорее указывает на стремление учесть достоинства как классического, так и неклассического подходов. Снятие противостояния единства и многообразия достигается отрицанием не самого этого многообразия – но равнозначности всех возможных точек отсчёта, опровержением той идеи, согласно которой и наука, и искусство, и миф, и *любая* из остальных «альтернативных» познания и мировоззрения – лишь *одна* из возможных и *равноценных* перспектив осмысления и восприятия окружающего мира, одинаково достойных внимания и уважения. Ведь дело, прежде всего, в том, что критерии для оценивания той или иной из таких возможных перспектив не только существуют, но и решительно друг от друга отличаются, в зависимости от того, к какой именно перспективе их применяют в каждом конкретном случае.

В науке таким критерием остаётся соответствие идее или идеалу объективной истины. При рассмотрении статуса этой последней в ситуации постнеклассической науки, – а задача эта, как уже отмечалось, оказывается далеко не тривиальной, – как мне кажется, следует избегать обеих крайностей, следующих из парадоксальности самой идеи человекомерной науки. Первая крайность заключается в квазиклассическом провозглашении вечного идеала объективной истины, несовместимой с любыми попытками признать человеческое измерение познания, в то время как вторая – ничуть не менее актуальная в наши дни – напротив, полагает идею объективности устаревшей и несоответствующей новым представлениям о природе науки. К примеру, Х. Патнем говорит об «объективности без объектов», то есть, о том, что объективность современной науки может быть достигнута при отказе от классического понимания её как описания *реальных* объектов [4, p.52–53]. Однако, тем самым практически отрицается наличие какого бы то ни было онтологического измерения научного познания, его соотнесённости с реальностью, будь то реальность физическая, материальная или какая-либо ещё, – что в итоге соответствует также и предложениям ограничиваться, скажем, конвенциональной или когерентной теорией истины в противоположность теории корреспондентской.

Наука в таком случае действительно оказывается изолированной сферой культурного творчества человека – изолированной не только от других сфер, скажем, от философского или религиозного вопрошания о бытии, – но даже и от самого этого бытия. Другими словами, «объективность без объектов» в научном познании столь же сомнительна, как идеология без идеалов в жизни общества. Мысль, лишённая объекта как своего «тела», не может не превратиться в мысль

спекулятивную. И, как и в случае с бессмысленностью развития междисциплинарности в ситуации постулирования отхода от собственно дисциплинарности, введение самосвидетельствования принесёт мало пользы науке, будучи споспешествуемо отказом от учёта свидетельства со стороны самого бытия – пусть и рассматриваемого в сопряжённости с аксиологическим аспектом его рассмотрения и сообразно признанию и осознанию человеческой меры научного познания.

Лишённая такого «третейского суда», наука оказывается при этом и разделённой на множество более или менее разобщённых школ, традиций, направлений. Принципиальный уход от вопроса о природе объективной реальности, в точном соответствии с осознанными или бессознательно усваиваемыми установками не самых лучших вариантов постмодернистской философии, обращает науку в своего рода игру – игру в защиту диссертаций и получение степеней и званий, в которой разговоры об истине и уж тем более претензии на её достижение оказываются попросту дурным тоном.

Таким образом, можно сделать *выводы*, что человекомерность следует понимать скорее как субъектность научного познания, не отрицающую, но предполагающую его объективность. Наука не бывает и не может быть «национальной», «классовой» или «гендерной», – не в этом заключается идея её человекомерности, не в этом состоит особенность её развития в постнеклассическую эпоху, – иначе бы она действительно перестала быть наукой. Но есть наука, которой занимаются люди разных национальностей, взглядов, позиций и конфессиональной принадлежности, – люди, которые, исповедуя в меру своей причастности научной деятельности идеал универсальной истины, способны усматривать и различные аспекты этого идеала, находить альтернативные пути аппроксимации к этому идеалу. Центральный статус человека, о котором говорили такие разные философы XX века как М. М. Бахтин, Х. Ортега-и-Гассет, С. Л. Рубинштейн и В. П. Иванов, становится признанным условием существования современной науки, занятой исследованием сложных и саморазвивающихся систем. И не только для естествознания: даже и для наук, привычно классифицируемых как гуманитарные, такая постановка вопроса оказывается во многом *новым взглядом на предмет своего рассмотрения*. Чем более многомерна личность учёного, чем разнообразнее его интересы, тем более плодотворной может оказаться и собственно научная его деятельность. Поэтому, как мне кажется, благодаря такой человекомерности, благодаря признанию статуса человеческой личности как субъекта полагания ценностей современная наука не умалется, но обогащается, делая возможным и диалог, и сотворчество человека с природой.

Литература.

1. Войцехович В. Э. Постнеклассическая картина мира и антропность: к переосмыслению практики // Постнеклассические практики: опыт концептуализации / Под ред. В. И. Аршинова и О. Н. Астафьевой. – СПб. : Изд. дом «Мирь», 2012. – С. 101–108.
2. Добронравова И. С. Постнеклассическая рациональность и философские основания синергетической методологии // Постнеклассика: философия, наука, культура / Отв. ред. Л. П. Киященко и В. С. Стёпин. – М. : Изд. дом «Мирь», 2009. – С. 296–314.
3. Стёпин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В. С. Стёпин // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 3–18.
4. Putnam H. Ethics without Ontology. – L.; Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 2005. – XIV, 160 p.
5. Rescher N. Objectivity: the Obligations of Impersonal Reason. – Notre Dame, IN; L. : The University of Notre Dame Press, 1997. – XII, 232 p.
6. Riley G. Partisanship and Objectivity in the Social Sciences // Riley G. (Ed.). Values, Objectivity, and the Social Sciences. – Reading, Mass., etc. : Addison-Wesley Publishing Company, 1974. – P. 122–140.